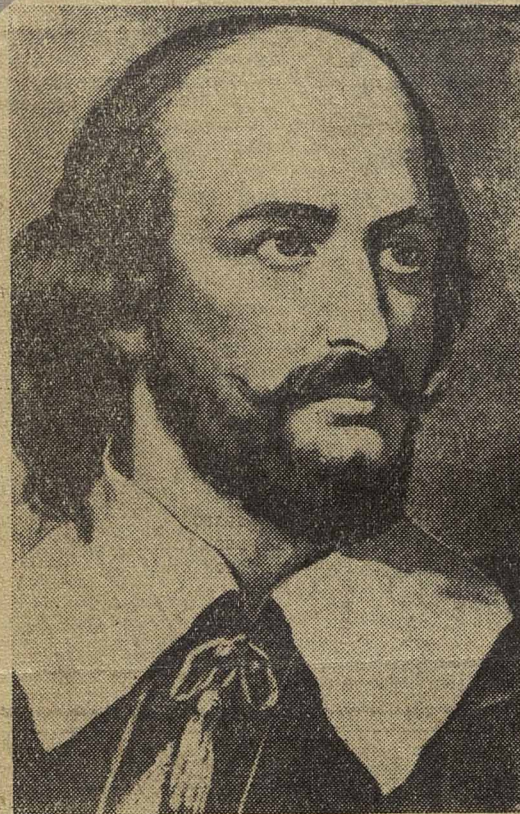

Вильям ШЕКСПИР

ВСТРЕЧИ С ВЫСОКИМ ИСКУССТВОМ

У каждого из нас бывают святые минуты приобщения к большому искусству — будь это в притихшем театральном зале, в неотрывном слиянии с судьбами людей на киноэкране, наконец, в интимной беседе с глазу на глаз с томиком стихов любимого поэта. В личных контактах такого рода рождается тот особый душевный настрой, по которому можно безошибочно определить — произошла еще одна встреча с высокой правдой искусства, с чистым золотом поэзии.

Потрясение — другого слова не подобрать — довелось мне испытать много лет назад, когда удача обернулась для студента-первокурсника случайной контрамаркой на спектакль «Король Лир» с участием замечательных советских артистов Михоэлса и Зускина. О Лире-Михоэлсе уже написаны сотни восторженных страниц, и в рамках этих беглых заметок трудно что-либо к ним прибавить. Припомню лишь один момент. Почти пустое пространство сцены — первозданный простор голы степи. Зловещие отблески молний. Раскаты грома. И человек в рубище — из зала Михоэлс казался, кстати, много выше небольшого своего роста — изнемогающий от усталости и отчаяния, роняет выстраданные слова о бедных, нагих горемах с тощим брюхом и непокрытой головой, которые так же, как и он, бывший король, ныне по званию Человек, вынуждены отражать удары лютой непогоды. Это выглядело как озарение Лира, прорывавшегося сквозь подступающее безумие к пониманию социальной несправедливости феодального мира. Михоэлсовский Лир, теряя разум, постигал мудрость бытия...

И рядом — совсем иной Шекспир, великий жизнелюбец, глашатай прав на земное счастье влюбленных — бездомостроя, попов и

ханжей. Перед войной вахтанговский театр подарил советским зрителям (именно — подарил!) великолепную постановку комедии «Много шума из ничего». Помню, с первых слов звучного и остроумного диалога, с начальных тактов хренниковской серенады «Ночь листвою чуть колышет» в зале возникала та праздничная приподнятость, которая сопутствует лишь самобытному, талантливному прочтению всем известной пьесы. На сцене ссорились Рубен Симонов — Бенедикт и Цецилия Мансурова — Беатриче. Фехтовальные каскады юмористических реплик-уколов следовали в ошеломительном темпе. Но все это было отнюдь не развлекательным зрелищем: любовь открывалась вахтанговцами в полном соответствии с духом Шекспира как могучая нравственная сила добра и гуманности.

Эти два памятных примера могут лишней раз подтвердить давно установленную истину — Шекспир в Советском Союзе не предмет архивно-музейных изысканий, но активный строитель нашей духовной культуры. Не случайно, ленинградский режиссер Григорий Козинцев, который в процессе подготовки к съемкам кинофильма «Гамлет» так вошел в круг шекспировских образов, что написал целую книгу об английском драматурге, назвал ее точно и ёмко — «Наш современник Вильям Шекспир». Однако встречи, допустим, с Остужевым — Отелло, с Улановой — Джульеттой, со Смоктуновским — Гамлетом, хотя и очень дороги для любого из нас, не столь уж часты. Я же хочу сказать о Шекспире в дни будней.

Обычная лекция в Коми пединституте. Тема «Сонеты Шекспира». Лекция как лекция. Одни кое-что заносят в конспекты, другие сидят со скучающим видом. Но вот слово представляется Вильяму Шекспиру:

...Ее глаза на звезды не похожи.

Нельзя уста кораллами назвать.

Поглядываю на слушателей — тень недоумения пробегает по лицам. Что за обращение к возлюбленной, которую принято как

раз и сравнивать с небесными светилами и прочими аксессуарами красоты. Продолжаю:

...Не белоснежна плеч открытых кожа,

И черной проволокой вьется прядь.

Так и замечаешь настороженность — чего ж ты, мол, стоишь, если даже кожа твоя не безупречна. Наверное, уж во всем остальном воспетая Шекспиром особа отличается выдающимися качествами... Но, увы!

...С дамасской розой, алой или белой,

Нельзя сравнить румянец этих щек...

Кажется, героиня сонета обречена на поражение. Мои слушательницы — их большинство — переглядываются: сколько можно «критики». От имени автора наносу следующий удар:

...А тело пахнет так, как пахнет тело,

Не как фиалки нежный лепесток.

Чувствую, от меня, чтеца Шекспира, ждут «реабилитации» лирики — нельзя же, в конце концов, поверить, что ее предметом может быть... страшно выговорить — запах натруженного тела, то бишь пота и т. д. Ну, что же, перейдем в решающую атаку:

...Ты не найдешь в ней совершенных линий, Особенного света на челе.

Надежды не оправдываются. Ничем выдающимся не взяла шекспировская героиня. Остается, вроде, развести руками. И тут лукавое и возвышающее сравнение через отрицание:

Не знаю я, как шествуют богини,

Но милая ступает по земле...

Вот оно, близящееся торжество земной неповторимости над эстетскими побрякушками. И его вершит реальная формула прекрасного, произнесенная гениальным поэтом:

...И все ж она уступит тем едва ли.

Кого в сравнениях пышных обогнали!

Ну, что вы теперь скажете, мои слушатели, точнее слушатели Шекспира? Я слышу абсолютное молчание, вижу взволнованные лица. «Зажигание» сработало, шекспировская искорка высекла огонь. Теперь уже приходится читать сонеты один за другим. Никто не занят посторонним делом, никто не смотрит в окно. Еще раз одержана великая при всей своей скромности победа музыки Шекспира, предсказавшего ей вечную жизнь:

Ты будешь жить, земной покинув прах,

Там, где живет дыхание, — на устах!

И завершается лекция словами благодарности чудесному советскому поэту,

переводчику сонетов, лауреату Ленинской премии Самуилу Яковлевичу Маршаку. Как-то Александр Твардовский образно оценил другую работу Маршака — переводчика Бернса: «Он сделал его русским, оставив его шотландцем». Эти слова можно с полным правом отнести и к сонетам Шекспира.

В заключение — об одной несостоявшейся встрече. Впрочем, я не совсем точен. Дело в том, что много лет назад на сцене Коми драмтеатра ставилась трагедия «Отелло» на русском языке. К нашему театру в ту пору приходила подлинная творческая зрелость. Видный коми писатель В. В. Юхнин долго работал над переводом трагедии Шекспира на родной язык. Уже самый этот факт примечателен. Мне посчастливилось видеть фрагменты из «Отелло» в исполнении П. Мысова, И. Аврамова и А. Русиной. Выразился просто, скажу — это было здорово! И как же обидно, что не осуществлялась мечта покойного, столь рано ушедшего от нас, Пантелеймона Онуфриевича Мысова. Он хотел заново поставить «Отелло» на сцене республиканского театра. С ним вел переговоры народный артист СССР Завадский. Мысов должен был играть роль Отелло в театре имени Моссовета. Вслед за выдающимся Отелло — Тхапсаевым из Северной Осетии Мысов мог бы стать вторым национальным актером, вышедшим в шекспировской роли на всеобщую сцену.

Мог, но не стал. Разные обстоятельства вызвали отсрочку в этом деле, ну, а затем болезнь и смерть. Зачем же я об этом вспоминаю? Прежде всего чтобы высказать доброе пожелание в адрес нашего театра и его мастеров — не откладываяте в долгий ящик большие спектакли и «главные» роли. Чаше и смелее обращайтесь к Шекспиру, Горькому, Чехову.

В перспективный план театра на будущий сезон внесен «Король Лир». Я знаю, что заготовки к этой работе уже проводятся И. И. Аврамовым. Нужно создать все условия для того, чтобы монументальный шекспировский спектакль был осуществлен, чтобы в образе Лира смогло раскрыться незаурядное дарование артиста. Пусть в Сыктывкаре, столице северной республики, состоится еще одна волнующая встреча с нашим современником Вильямом Шекспиром! В. ГАЛЬПЕРИН.